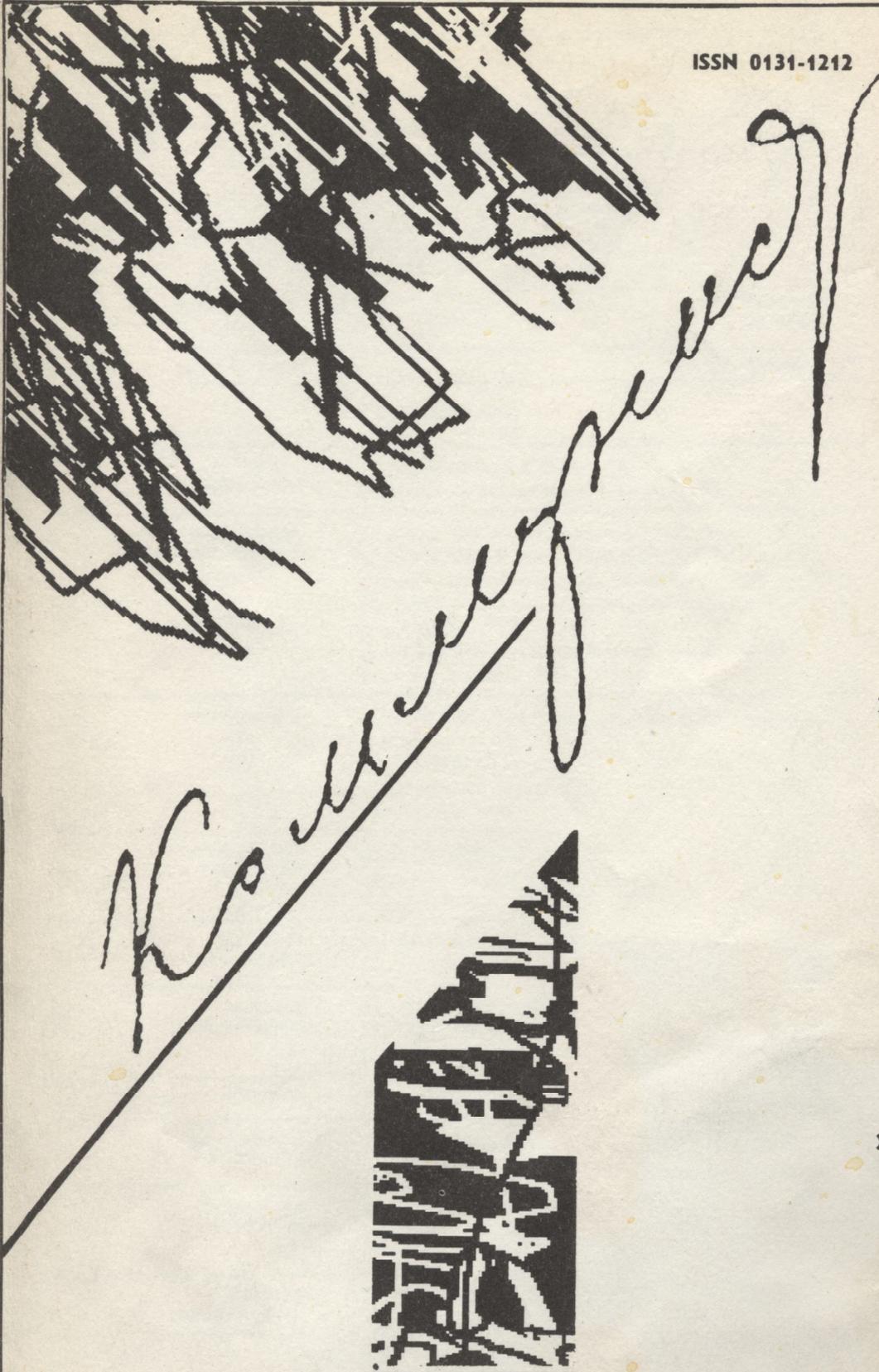

ISSN 0131-1212

3'91

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Юрий ГОЛАНД,
кандидат
экономических наук

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

УРОКИ СОВЕТСКОГО
ЧЕРВОНЦА

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ сегодня является не только важнейшей, но, по мнению многих, неразрешимой задачей. Однако эта сложная задача была успешно решена в первые годы нэпа, когда удалось перейти от постоянно обесценивавшегося рубля к твердому червонцу. А ведь социально-экономическое положение страны тогда было несравненно тяжелее, чем сейчас. Семь лет войны (мировой и гражданской) разрушили экономику. К весне 1921 года промышленное производство упало в 7 раз по сравнению с довоенным уровнем. Не так сильно, но существенно сократилось производство сельскохозяйственной продукции, особенно тех ее видов, которые предназначались для рынка.

Падение производства сопровождалось разложением кредитно-финансовой системы, начавшимся еще в годы первой мировой войны и усилившимся во время гражданской войны. Характерной чертой политики «военного коммунизма», которая проводилась в 1918—1920 годах, являлся курс на ликвидацию денежного обращения. Прекратилось взимание денежных налогов, закрылись банки, вводилось бесплатное предоставление товаров и услуг. Тем не менее рынок потребительских товаров, хотя и нелегальный, сохранялся и не потеряли полностью своего значения деньги. Посредством безудержной эмиссии государство финансировало свои расходы. Количество бумажных денег в обращении на 1 марта 1921 года увеличилось по сравнению с 1 марта 1914 года примерно в 900 раз (по номиналу). Эта эмиссия в сочетании с падением производства и сокращением товарооборота привела к стремительному росту цен. Рыночные цены в марте 1921 года почти в 30 тысяч раз превосходили довоенный уровень!

Таковы были условия накануне перехода к нэпу. В марте 1921 года было решено отказаться от продразверстки, а вскоре и от других принципов политики «военного коммунизма». Не ликвидация денежного обращения, а его оздоровление стало острой необходимостью.

Первым предложил конкретный путь ее решения Н. Кутлер. Это был незаурядный человек с интересной биографией. С 1885 по 1905 год он работал в министерстве финансов, занимая различные должности, вплоть до товарища (то есть заместителя) министра. В 1905—1906 годах он являлся министром земледелия и землеустройства. Кутлер был видным деятелем кадетской партии, депутатом Государственной думы, и до революции большевики неоднократно критиковали его политические взгляды. С 1919 года Кутлер встал на путь сотрудничества с Советской властью, являясь членом совета Института экономических исследований Наркомата финансов (ИЭИ). В середине августа 1921 года он назначается заместителем председателя комитета цен при Наркомфине, но в конце того же месяца был арестован вместе с другими членами Всероссийского комитета помощи голодающим. Однако уже в середине сентября Кутлер был освобожден в связи с тем, что его кандидатура намечалась в состав Правления создаваемого Госбанка. Заняв эту должность в начале октября, он сыграл ключевую роль в налаживании его работы.

В конце мая 1921 года Кутлер выступил в ИЭИ с докладом, в котором выдвинул идею незамедлительной реформы денежного обращения. Он предложил, используя довольно значительный в то время золотой запас, выпустить в обращение золотую монету, прекратив дальнейшую эмиссию бумажных денег. Уже выпущенные денежные знаки должны были на определенный срок сохраниться в обращении наряду со звонкой монетой, не обмениваясь на нее. Причем они девальвировались в соответствии с рыночным курсом — примерно 10 тысяч бумажных рублей за один золотой рубль. Одновременно, чтобы ликвидировать дефицит бюджета, вынуждающий прибегать к эмиссии бумажных денег, Кутлер предложил в дополнение к продналогу ввести денежные налоги, и прежде всего налог на землю.

Думается, что это предложение было неприемлемым в то время в первую очередь по политическим мотивам, с точки зрения взаимоотношений с крестьянством. Вместе с тем большинство специалистов, обсуждавших доклад Кутлера, выступили против его концепции по чисто экономическим причинам. Они утверждали, что оздоровление денежного обращения может произойти только в результате восстановления всего народного хозяйства, а потому радикальные меры в денежной области являются преждевременными.

Спустя примерно месяц в ИЭИ был представлен другой подход к оздоровлению денежного обращения. Известный банковский деятель дореволюционного периода В. Тарновский предложил ввести параллельно существующим бумажным денежным знакам банкноты, размениваемые на золото. Он мотивировал свою идею тем, что укрепление падающей денежной единицы требует много времени, а твердую параллельную валюту можно ввести быстро, правда, при обязательном условии получения крупных кредитов для обеспечения стабильности курса банкнот и обмена их на золото. Но и это предложение не получило в то время широкой поддержки.

Развитие экономики летом 1921 года давало основания полагать, что можно будет постепенно, без радикальных мер оздоровить денежное обращение. Несмотря на продолжающуюся эмиссию, в июле — сентябре цены стабилизировались. Это произошло благодаря расширению товарооборота, вызванному начавшимся процессом становления рыночных отношений. Была отменена бесплатность товаров и услуг, активно заработала частная торговля, начался перевод промышленных предприятий на хозрасчет, стали создаваться товарные биржи, вводились денежные налоги на предприятия и население.

Но в октябре цены снова начали расти и вновь появился интерес к реформе денежного обращения. По указанию председателя Правления Госбанка А. Шейнмана был разработан проект девальвации, представлявший собой синтез идей Кутлера и Тарновского. Наряду с введением золотой и серебряной монеты («в самом умеренном количестве» из-за значительного сокращения золотого запаса) в нем предлагалось предоставить Госбанку право выпуска банкнот, в принципе размениваемых на золото, но только начиная с 1929 года, когда, по предположению авторов, этот размен, прерванный войной, должен был возобновиться в других европейских странах. Важным звеном плана являлось предлагаемое сокращение бюджетных расходов примерно вдвое. Мотивируя необходимость принятия радикальных мер, авторы проекта подчеркивали, что без них невозможно оздоровить денежное обращение, ибо его болезнь слишком серьезна и не может быть излечена постепенными мерами. Шейнман 11 ноября направил Ленину этот проект. В сопроводительном письме он утверждал, что вопрос об установлении правильного денежного обращения должен быть разрешен «революцион-

ными мерами». Ленин подчеркнул эти слова и написал на полях: «?? вообще нельзя решить этими мерами» (Полн. собр. соч., т. 54, стр. 342).

Как выяснилось спустя несколько дней, эта позиция в целом выражала мнение большинства специалистов. 20 ноября в Госбанке состоялось специальное совещание о мерах урегулирования денежного обращения. Оно было создано в соответствии с принятым за месяц до того по предложению Ленина постановлением Политбюро. В нем предлагалось «подобрать в кратчайший срок группу лиц с солидным практическим стажем и опытом к капиталистической торговле, на предмет консультации по вопросам денежного обращения» (Полн. собр. соч., т. 44, стр. 182). В совещании приняли участие около 50 человек, в том числе руководители Наркомфина и Госбанка, бывшие крупные фабриканты, купцы, финансисты, известные ученые.

Большинство из них (в частности, известные экономисты П. Гензель, А. Соколов, С. Фалькнер) признавали невозможность каких-либо специальных мер по улучшению денежного обращения, помимо общих мер подъема народного хозяйства. Сторонник этой позиции член коллегии Наркомфина О. Шмидт (знаменитый в будущем полярник) утверждал, что только через 10 лет могут быть приняты действенные меры к установлению вполне устойчивой денежной единицы.

Против этой точки зрения выступили Шейнман и Кутлер, призывавшие к незамедлительной девальвации. Разбирая утверждение своих оппонентов о том, что реформа денежного обращения требует обеспечения ряда предварительных условий, в частности бездефицитного бюджета, Кутлер заметил, что при падающей валюте эти условия выполнить невозможно. Его замечание заслуживает особого внимания. Действительно, для ликвидации дефицита бюджета необходимо увеличить доходы и сократить расходы. При падающей валюте как налоговые, так и неналоговые денежные доходы быстро обесценивались. В то же время в расходах бюджета видное место занимали дотации убыточным отраслям. Преодолеть убыточность можно было только на основе развития хозрасчета, а падающая валюта крайне затрудняла все экономические расчеты, правильный учет затрат и результатов.

По мнению Кутлера, вся история денежного обращения России свидетельствует о том, что при нездоровых финансах может существовать, хотя и недолго, здоровая денежная система, которая позволяет «лечить» финансы и добиваться бездефицитного бюджета. Девальвировать бумажные деньги он предлагал путем обмена их на банкноты, обеспеченные в небольшой доле золотом или иностранной валютой. Эта девальвация дала бы по крайней мере на определенный срок устойчивую валюту, необходимую для подъема экономики. Он допускал возможность обесценивания банкнотов, если не удастся быстро оздоровить финансы, и повторной девальвации, но уже не такой глубокой.

ЖИЗНЬ СКОРО ДАЛА НОВЫЕ АРГУМЕНТЫ противникам немедленной девальвации. С конца 1921 года все сильнее стали проявляться последствия страшного неурожая. Голод, охвативший значительную часть страны, вызвал продажу большей части золотого запаса за границу для приобретения продовольствия. Другим его последствием явился стремительный рост цен на продовольственные товары, приведший к общей гиперинфляции. По среднемесячному Всероссийскому бюджетному индексу статистики труда розничные цены на продовольствие и промтовары возросли за октябрь 1921 — май 1922 года в 50 раз, причем цены на продовольствие росли еще стремительнее. Например,

на московском рынке средние цены на мясо и рыбу были в мае 1922 года в 60 раз выше, чем в ноябре 1921-го, а цены на одежду и обувь только в 30 раз. В Петрограде рыночные цены на мясо за два месяца (с 20 февраля по 20 апреля 1922 года) увеличились в 9,5 раза.

Наряду с нехваткой продовольствия важную роль в росте цен сыграло убыстрение темпов эмиссии. За полгода (декабрь 1921 — май 1922 года) было выпущено в обращение денег (по номиналу) почти в 30 раз больше, чем в предыдущее полугодие. А рост эмиссии, в свою очередь, был связан с чрезмерными расходами на государственный сектор экономики, в первую очередь на зарплату, которая возрастала вслед за повышением цен и составляла в этот период более 50 процентов всей суммы эмиссии. В ряде регионов местные органы власти попытались приостановить стремительный рост рыночных цен привычными с времен «военного коммунизма» административными мерами, устанавливая твердые цены. Так поступили, например, в конце 1921 года в Самарканде. В ответ с легального рынка начали исчезать товары. Местный исполком не придумал ничего лучшего, как учинить облаву на торговцев.

В условиях гиперинфляции в Наркомфине в начале марта состоялось новое совещание по вопросу о мерах оздоровления денежного обращения, в котором приняли участие крупные ученые экономисты. С докладом выступил профессор А. Мануйлов. Он подчеркнул, что существующая народнохозяйственная обстановка полностью исключает возможность радикальной денежной реформы. С этим согласились большинство участников, в том числе и председательствовавший на совещании руководитель Наркомата финансов Г. Сокольников. Снова, как и в ноябре, в меньшинстве остался Кутлер, выступивший за замену бумажных денег банкнотами, удовлетворяющими всем требованиям первоклассного банковского обеспечения. Так как Госбанк не обладал необходимыми для этого запасами золота и иностранной валюты, то Кутлер предложил предоставить эмиссионное право акционерному банку с участием иностранного капитала. Эта идея под собой имела определенные основания.

В то время подобные предложения поступали из-за границы. Например, в конце января 1922 года нарком внешней торговли Л. Красин встретился в Париже с известным русским финансистом, бывшим председателем правления Русско-Азиатского банка А. Путиловым, эмигрировавшим после революции и активно поддерживавшим белогвардейцев во время гражданской войны. Путилов выдвинул идею организации эмиссионного банка, акционерами которого стали бы иностранные банки и советское правительство с долей 25—30 процентов. Этот банк должен был бы выпускать банкноты для операций внутри России, размениваемые на иностранную валюту. По сути этот проект был близок к тому, который Путилов предложил правительству Колчака в 1919 году, надеясь на его победу в гражданской войне. Предложение Путилова было отвергнуто руководством страны прежде всего по политическим причинам из-за нежелания предоставлять иностранцам возможность контролировать эмиссию.

Также не поддержали на совещании и идею Кутлера, ибо она фактически лишала государство возможности использовать эмиссию для покрытия бюджетного дефицита. Возражали участники совещания и против идеи параллельной валюты, исходя из интересов защиты бумажного рубля, в числе критиков этого предложения был и профессор А. Юровский, ставший через несколько месяцев заместителем начальника валютного управления Наркомфина и представителем наркомата в Совете по эмиссионным делам при Госбанке. Вместе с Кутлером он сыграл наиболее активную роль в практической реализации идеи параллельной валюты, которую поначалу критиковал.

Надо сказать, что мысль об ускорении процесса обесценивания рубля в результате введения параллельной валюты получила довольно широкое распространение. Например, Красин после уже упоминавшегося разговора с Путиловым, сообщая в Москву о результатах встречи, заметил, что введенный по рецепту Путилова банкнот еще больше ухудшит положение рубля. И, вероятно, это было не только его мнение, но и такого квалифицированного финансиста, как Путилов. Правда, Красин тут же добавлял, что не видит ничего страшного в таком обесценивании, ибо параллельно ему будет происходить замена рубля твердым банкнотом.

Сторонники введения параллельной валюты отрицали неизбежность негативного влияния ее введения на курс бумажного рубля. В. Тарновский, ставший руководителем конторы Госбанка в Петрограде, через несколько дней после совещания в Наркомфине дал интервью «Петроградской правде». В нем он разъяснял, что обесценивание рубля зависит от темпов эмиссии, а они могут уменьшиться при введении банкнота, который будет замещать некоторые функции бумажных денег. Тарновский также обратил внимание на то, что введение банкнота создаст лучшие условия для привлечения иностранного капитала.

Несмотря на то что идея параллельной валюты критиковалась на упомянутом авторитетном совещании, именно она стала детально прорабатываться в течение весны 1922 года. В условиях гиперинфляции развеялись надежды на то, что удастся укрепить существующую денежную единицу, а отказаться совсем от бумажных денег было очень трудно, так как бюджетные расходы в основном покрывались за счет эмиссии. В январе — мае 1922 года в денежных доходах государства эмиссия составляла от 71 до 91 процента. Налоги и доходы от государственных предприятий в период гиперинфляции быстро обесценивались, побуждая увеличивать эмиссию.

Тем не менее некоторые видные экономисты, в частности профессора А. Соколов и Н. Шапошников, сохранили неприятие идеи параллельной валюты. Соколов исходил из того, что в условиях глубокого расстройтва хозяйственной жизни не может существовать устойчивой денежной единицы. Банкноты, по его предположению, будут использованы как средство накопления и вытеснены из обращения бумажным рублем. Суть его подхода заключалась в следующих словах: «Ошибочно было бы думать, что легче создать новую денежную единицу, чем стабилизировать старую. Наоборот, представляется совершенно очевидным, что если страна находит в себе достаточно сил и средств для введения новой денежной единицы, то это значит, что она может достигнуть и стабилизации старой денежной единицы».

В дополнение к этим аргументам профессор Шапошников обращал внимание на опасность кредитной инфляции в результате чрезмерного выпуска банкнотов, если он превзойдет размеры, требуемые товарообороту. Ограничить же его будет трудно, во-первых, потому, что Госбанк не сможет «сохранить необходимую самостоятельность по отношению к финансовым притязаниям правительственных учреждений», а во-вторых, не найдется в нужном объеме солидного банковского покрытия банкнотам, в частности хорошего вексельного портфеля. Эти явления действительно проявились, но они не были неизбежными.

В мае проект выпуска банкнотов в основных чертах был разработан. В это время в Генуе проходила международная конференция, и эксперты советской делегации познакомились с проектом известного английского экономиста Дж. Кейнса. Тот в своей корреспонденции из Генуи, опубликованной в газете «Манчестер Гардиан», высоко его оценил, отметив, в частности, что появление банкнотов может облегчить сотрудничество других стран с Россией.

НО В РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ отношение к разработанному проекту было неоднозначным. Сказалось ухудшение отношения к беспартийной интеллигенции, в частности к экономистам, начавшееся в конце мая. Оно проявилось, например, в рецензии на первый выпуск сборника «Очередные вопросы финансовой политики», которая была опубликована в июньском номере журнала «Народное хозяйство», органа ВСНХ. Рецензент, не вдаваясь в профессиональный анализ, писал об авторах сборника: «Все прошлое мировоззрение авторов статей было чуждым интересам рабочих и крестьян. Конечно, проф. А. Мануйлову, напр., бывшему лидеру кадетской партии и министру Временного правительства при Керенском, очень трудно искренне стать на рабоче-крестьянскую точку зрения».

Сторонники такого подхода увидели, в идее параллельной валюты попытку беспартийных специалистов нанести вред интересам пролетарского государства. Так, ведущий обозреватель газеты «Экономическая жизнь» — органа СТО — С. Членов, рецензируя статью Тарновского с изложением и обоснованием этой идеи в сборнике «Вопросы банковской политики», утверждал, что введение банкнота полностью обезценит бумажный рубль, а это приведет к краху государственного хозяйства, которое не может обойтись без эмиссионного дохода. Такая перспектива, по мнению рецензента, не беспокоила Тарновского.

Самое удивительное заключается в том, что эта рецензия появилась 6 июля, спустя два дня после того, как на заседании Совнаркома было в основном одобрено предложение о выпуске банкнотов и отпущен недельный срок для доработки проекта соответствующего декрета. Первоначально банкнот достоинством 10 золотых рублей носил название «гривна золотом», и только 20 июля на заседании Политбюро было утверждено новое название «червонец». 25 июля заместитель Председателя СНК А. Рыков подписал декрет о предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов.

В декрете попытались совместить две цели: 1) создать условия для устойчивости банкнота и доверия к нему, 2) не допустить, чтобы появление червонца ускорило обезценивание бумажного денежного знака. Выпускаемые банковские билеты не менее чем на 25 процентов обеспечивались золотом и другими драгоценными металлами или устойчивой иностранной валютой (фактически весь рассматриваемый период первоклассное обеспечение составляло не менее 50 процентов), а в остальной части — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными обязательствами. Устанавливалась регулярная (дважды в месяц) публикация сведений о сумме выпущенных в обращение банкнотов и их обеспечении. Предусматривался обмен червонцев на золото, но в будущем, после особого правительственного решения. Важное значение для устойчивости банкнота имел пункт декрета, ограничивающий его использование для покрытия бюджетных расходов. Согласно этому пункту ссуды Наркомфину можно было выдавать только с особого разрешения правительства и при условии обеспечения драгоценными металлами не менее чем на 50 процентов, а в остальной части — процентными обязательствами Наркомфина.

Для предотвращения отрицательного влияния введения червонца на курс рубля было предусмотрено разделить сферы их действия. Банкноты предполагалось выпускать крупными купюрами в 10, 25, 50 и 100 червонцев для кредитования оптового торгово-промышленного оборота. О покупательной способности минимальной купюры в 10 червонцев можно судить по тому, что в то время эта сумма примерно в 10 раз превышала среднемесячную зарплату. По декрету банкнот не становился законным платежным средством, им оставался бумажный ден-

знак. Но было предусмотрено, что банковые билеты должны приниматься в уплату государственных сборов и платежей во всех тех случаях, когда по закону они взимаются в золоте, в основном таможенных пошлин. Госбанку также предоставлялось право требовать возврата ссуд, выданных банкнотами, - ими же.

Хотя декрет был принят, но к его выполнению не спешили приступить. Видимо, обозреватель «Экономической жизни», ругая идею параллельной валюты, знал настроения в руководящих кругах. Обычно такие важные постановления СНК публиковались в «Известиях», но в данном случае этого сделано не было, хотя информация о принятии декрета появилась и он был полностью опубликован в официальном сборнике узаконений и распоряжений правительства. Еще важнее, что практически он не реализовывался. Главная причина состояла в том, что в июле — августе цены почти стабилизировались. Тем руководителям страны, которые с явной неохотой шли на введение параллельной валюты, стало казаться, что можно обойтись и без этой меры. Гиперинфляция прекратилась летом благодаря тому, что выявились перспективы хорошего урожая, расширился товарный оборот, прекратился ажиотажный спрос, снизились темпы эмиссии в результате увеличения сбора налогов и сокращения роста бюджетных расходов.

Сказалось на приостановке выполнения декрета от 25 июля и недоверие к беспартийным специалистам, которые в первую очередь должны были претворять его в жизнь. В начале сентября, вскоре после объявления в печати о предстоящей высылке за границу видных представителей интеллигенции, председатель ГПУ Ф. Дзержинский писал своему заместителю И. Уншлихту о том, что надо ввести наблюдение за всей ведомственной литературой, и отмечал: «Например, авторы сборника НКФ № 2 «Очередные вопросы финансовой политики» — явно белогвардейцы, как А. А. Соколов». Никаких непосредственных последствий для авторов — крупных специалистов не было, но сборник больше не выходил. Показательно, что в отчете о деятельности Госбанка за август, который был отправлен в ЦК в начале сентября, ни слова не говорится о предстоящем выпуске банкнотов, в то время как в предыдущем отчете за июль декрет от 25 июля характеризовался как важнейший документ.

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЗКО ИЗМЕНИЛОСЬ в начале октября, когда к работе вернулся Ленин. Как позднее вспоминал Шейнман, «Владимир Ильич, осенью 1922 г. вернувшись к работе, сейчас же потребовал от меня объяснений, почему задерживается эмиссионная деятельность Банка». 9 октября коллегия Наркомфина приняла наказ Госбанку о порядке выпуска, использования и изъятия из обращения банковых билетов, в котором конкретизировались практические вопросы, связанные с реализацией декрета о выпуске банкнотов. Одновременно коллегия НКФ предложила снизить минимальное достоинство намечаемых к выпуску банкнотов до одного червонца для того, чтобы облегчить их внедрение в оборот. Это предложение было принято, и 11 октября заместитель Председателя СНК Л. Каменев подписал новый декрет о выпуске банковых билетов. Он полностью повторял постановления от 25 июля за исключением пункта о размерах купюр, согласно которому предполагалось выпускать банкноты достоинством 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. (Фактически же купюры в 2 и 50 червонцев не выпускались.) 12 октября в «Известиях» этот декрет был опубликован.

После публикации декрета в печати широко обсуждались перспективы банкнотного обращения. Большинство специалистов сошлись на

том, что если червонцы будут внедряться осторожно в соответствии с потребностями товарооборота, то по крайней мере вреда от них не будет. Но с самого начала было ясно, что соблюсти такую осторожность будет нелегко. Юровский, который как заместитель начальника валютного управления НКФ постоянно сталкивался с требованиями ведомств увеличить бюджетные расходы, писал: «К вновь заработавшему печатному станку протянется много рук и отчасти рук очень сильных».

Возможность сопротивляться этим требованиям в немалой степени зависела от авторитета Правления Госбанка, от того, насколько его поддерживало руководство страны. На протяжении первого года работы Госбанк неоднократно подвергался критике со стороны экономических ведомств. Дело в том, что при предоставлении краткосрочных кредитов он руководствовался коммерческими соображениями и старался не давать кредитов, когда была реальная опасность, что они не будут своевременно возвращены. А страдали от этого в первую очередь государственные предприятия тех отраслей, которые находились в трудных конъюнктурных условиях. На протяжении 1922 года раздавались требования заставить Госбанк отказаться от своего чисто коммерческого подхода. Позднее Рыков вспоминал, как он неоднократно жаловался Ленину, что «Госбанк чрезмерно дерет за кредит и по существу — независимая организация, которую нужно подчинить». Однако это предложение не встретило поддержки у Ленина: «Владимир Ильич взъелся и говорит, что это учреждение коммерческое, что у него есть дефицит кредита и пускай он работает, как хочет».

Если рассуждать формально, то Госбанк не нужно было как-то специально еще подчинять. Согласно положению о Госбанке он находился в составе Наркомфина и был подведомствен непосредственно наркому финансов. Следовательно, у руководящих хозяйственных органов было достаточно прав «подчинить Госбанк». Но тут все дело заключалось в позиции Ленина, в тех директивах, которые он давал и председателю Правления Госбанка, и наркому финансов. И если он считал целесообразным сохранить самостоятельность Госбанка, то трудно было действовать ему вопреки. Как свидетельство поддержки Госбанка накануне выпуска банкнотов было воспринято опубликованное 16 ноября 1922 года поздравление СТО в связи с годовщиной его работы. В нем отмечалась успешная деятельность Госбанка и персонально были названы наиболее активные члены Правления, причем сразу за Шейнманом шел Кутлер. Такие поздравления тогда еще не были приняты. Например, в годовщину Госплана их не было.

Ленин этим поздравлением хотел показать, что эпизод с высылкой за границу видных ученых ушел в прошлое и беспартийные специалисты вновь пользуются доверием. Не все ответственные товарищи так думали. Спустя примерно полтора месяца после этого поздравления, когда Ленин уже окончательно отошел от дел, на X Всероссийском съезде Советов в прениях по докладу наркома финансов Сокольников выступил известный противник развития нэпа Ю. Ларин. Он резко критиковал недостаточное, по его мнению, кредитование Госбанком государственной промышленности и обвинил в этом персонально Кутлера, контролировавшего предоставление этих ссуд. Под аплодисменты он заявил, что для улучшения аппарата Наркомфина необходима «очистка от Кутлера и других ему подобных и перенесение их из Госбанка, из Комитета цен, по крайней мере, в Берлин». Как известно, именно в Берлине оказались многие из высланных осенью за границу. Сокольников в своем заключительном слове, возражая Ларину, сослался на недавний разговор с Лениным, который высоко оценил работу Правления Госбанка и сравнил привлечение туда специалистов типа Кутле-

ра с использованием царских генералов во время гражданской войны для организации Красной Армии. По существу, это было рискованное сравнение, ибо царских генералов после войны стали постепенно снимать с важных постов. Не думаю, что сам Ленин хотел указать на временный характер привлечения буржуазных специалистов. Он в то время неоднократно подчеркивал, что социализм надо строить руками всех слоев населения. Но многим из его соратников тезис о непродолжительности периода использования на ответственных постах чуждых по идеологии лиц был близок.

Когда обсуждались перспективы банкнотного обращения накануне их выпуска (а первая партия банковых билетов в 200 тысяч червонцев была передана из эмиссионного отдела Госбанка в кассу Правления 27 ноября), то назывались три возможных варианта. О первых двух мы уже упоминали — червонец вытеснит бумажный совзнак или наоборот. Третий вариант предполагал их сосуществование, при котором они как бы поддерживают друг друга. Эту возможность как основную рассматривали, в частности, Сокольников и Шейнман. Реальность такого развития обосновывалась тем, что пока банкноты будут входить в оборот, они фактически явятся не столько деньгами, сколько товаром, то есть на рынке появится дополнительный товар, отвлекающий часть платежеспособного спроса и тем самым снижающий темпы роста цен на иные товары. С другой стороны, продажа банкнотов на совзнаки, снимая часть червонцев с валютного рынка, позволяет укрепить курс банкнота относительно иностранной валюты.

А поддержка этого курса была жизненно важной для обеспечения доверия к банкноту. Не случайно параллельно разработке идеи двух валют шла подготовка к введению валютного рынка. В период «военного коммунизма» даже хранение иностранной валюты и золота было запрещено и их могли конфисковать в случае обнаружения. Тем не менее нелегальный оборот драгоценных металлов никогда не прекращался, хотя и происходил в ограниченных размерах. С переходом к нэпу в первый год действовал принцип обязательной сдачи ценностей, но уже с оплатой по рыночной цене. Фактически это требование не соблюдалось и приходило во все большее несоответствие с развитием нэпа. Принципиально важный поворот произошел после принятия 4 апреля 1922 года декрета СНК об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты. Декрет отменял обязательную сдачу государству ценностей и допускал свободное распоряжение драгоценными камнями и благородными металлами в изделиях и слитках. Однако за Госбанком сохранялось монопольное право на покупку и продажу монет и инвалюты. Смысл этого ограничения заключался в том, чтобы не допустить их открытого появления в качестве средства обращения наряду с бумажными деньгами, которое могло ускорить обесценивание совзнака и затруднить государству получение эмиссионного дохода. Декрет существенно облегчал вывоз за границу ценностей и инвалюты, содействуя тем самым развитию импорта. Госбанку разрешалось также открывать текущие счета в золоте и инвалюте.

Монополию Госбанка на покупку и продажу монет благородных металлов и инвалюты попытались ограничить в июле 1922 года, когда было принято постановление СТО, разрешавшее государственным и кооперативным организациям принимать в уплату за свои товары и оказываемые услуги валюту и монеты с условием, чтобы они немедленно передавались в Госбанк для зачисления на текущий счет этих организаций. Однако вскоре это разрешение было отменено. Основнополагающий декрет ВЦИК и СНК от 15 февраля 1923 года о валютных операциях запрещал прием и производство платежей российской зо-

лотой монетой и разрешал платежи инвалютой только в уплату по сделкам с учреждениями, находящимися за границей. Иначе говоря, в стране не допускались в обращение инвалюта и монеты, чтобы не ослабить позиции отечественных денег, особенно червонца.

Декрет от 15 февраля дополнял ранее принятое постановление СНК о фондовых биржевых операциях, и они вместе создавали реальные предпосылки для формирования валютного рынка. Экспортные организации действительно продавали, а импортные предприятия — покупали инвалюту на бирже. Валютные сделки между частными лицами были фактически свободны от ограничений. Государственные и кооперативные учреждения, не состоявшие членами фондовых бирж, могли приобретать валюту только с разрешения специального органа — «особого валютного совещания» при Наркомфине. Они были обязаны держать всю свою инвалюту на текущих счетах в Госбанке, который имел право первоочередной покупки инвалюты у экспортера.

Стабильность курса банкнота относительно твердых валют (доллара, фунта стерлингов) подтверждала, что он заслуживает доверия, и в определенной степени выполняла ту роль, которую играл свободный обмен банкнотов на золото. Вместе с тем в условиях монополии внешней торговли банкнот мог сохранять свой курс относительно инвалюты и в то же время снижать его относительно товаров внутри страны, если цены на товары росли быстрее, чем курс червонца в бумажных рублях.

Другим важным фактором доверия к червонцу являлась возможность беспрепятственного его размена на совзнаки, которые, напомним, оставались законным платежным средством. Наказ Госбанку обязывал производить такой обмен по текущему курсу. Государство не устанавливало законом принудительного курса, он формировался на местных биржах и почти ежедневно менялся в зависимости от соотношения предложения и спроса. Официальным считался курс фондового отдела Московской товарной биржи.

Обязанность разменивать червонцы накладывала определенные ограничения на масштабы их выпуска в обращение, ибо первое время предъявлялось к размену значительное их число и банковские учреждения должны были иметь запас совзнаков. Вскоре после начала выпуска банкнотов Правление Госбанка решило прекратить кредитование в совзнаках, все активные операции стали вести в червонцах. При этом они производились, как правило, лишь с теми клиентами, которые давали обязательства не менее 50 процентов полученных ими банкнотов не предъявлять к немедленному обмену.

Первые месяцы Госбанк соблюдал осторожность при выпуске банкнотов. На 1 апреля 1923 года из эмиссионного отдела в кассу Правления было передано всего 4,5 миллиона червонцев, из которых в обращении находилось только 57 процентов. Остальные вернулись в кассу или в виде текущих счетов, или при размене на совзнаки. К этому времени установилось благоприятное в целом соотношение между темпами роста курса червонца в рублях и цен. Это соотношение имело первостепенное значение для внедрения червонцев в обращение. Действительно, кредиты в основном предоставлялись отраслям промышленности, производящим потребительские товары, и торговле. Следовательно, червонцы, поступая в обращение, должны были дойти до розничной торговли, где царствовали совзнаки, по крайней мере до тех пор, пока в них выдавалась зарплата. Значит, в какой-то момент червонцы надо было разменять на рубли, а после конечной реализации продукции купить на полученные рубли червонцы на бирже или в учреждениях Госбанка для возврата кредита. Если за время от получения кредита до его возврата (а в первые месяцы 1923 года он выдавался большей частью

на два-три месяца) курс червонца в рублях возрастал намного быстрее, чем цены на те товары, для производства и реализации которых брался кредит, то могли возникнуть трудности с его возвратом. Аналогичные трудности возникали и в тех случаях, когда червонцы оставались в оптовом обороте, не размениваясь на рубли, но цены устанавливались в совзнаках. С другой стороны, если цены росли значительно быстрее, чем курс червонца, то доверие к нему терялось и подрывался сам замысел введения устойчивой валюты. Добавим к этому необходимость поддерживать курс червонца по отношению к инвалюте и увидим реальные противоречия, порождаемые системой двух параллельных валют.

В первые месяцы эти противоречия успешно разрешались. Курс червонца относительно инвалюты стоял высоко, обменный курс на рубли рос примерно в соответствии с ростом общего индекса цен. Этому способствовал происходивший в то время процесс финансового оздоровления. Заметно возросло поступление денежных налогов и доходов от эксплуатации государственного имущества, в первую очередь транспорта (в первом квартале 1923 года почти на 90 процентов по сравнению с предыдущим кварталом). В январе началась сравнительно успешная реализация 6-процентного выигрышного займа. Это был второй по счету государственный заем. Первый, хлебный, удалось в основном реализовать летом 1922 года. Он распространялся добровольно, главным образом среди крестьян, которые могли облигации займа вносить осенью вместо продналога. Бюджетное значение займа было невелико, смысл состоял в том, чтобы на несколько месяцев раньше получить те же средства.

Иное дело — выигрышный заем, который, как и хлебный, был задуман добровольным. Он уже должен был заложить основы государственных кредитных операций и предназначался в первую очередь для горожан. Заем имел срок действия 10 лет и выпускался на 100 миллионов золотых рублей облигациями по 5 и 25 рублей. До 15 марта действовали особые льготы для рабочих и служащих, коллективно подписавшихся на заем, и в это время он распространялся преимущественно среди них. В первом квартале 1923 года было реализовано облигаций примерно на 16 миллионов золотых рублей.

Рост налогов, доходов от государственного имущества и займа позволил сократить темп эмиссии совзнаков. Темп эмиссии (процентное отношение выпуска за месяц к обращению на 1-е число соответствующего месяца) в период с декабря 1922 года по февраль 1923 года снизился с 34,8 до 23,1 процента. Несколько замедлился и рост цен как оптовых (с 30 процентов за декабрь до 24 за март), так и розничных (соответственно с 32 до 25 процентов). В то же время расширялась область применения червонцев, их стали принимать в уплату всех денежных налогов и железнодорожных тарифов. Таким образом, в первые месяцы внедрения банкнотов развитие шло по оптимальному варианту, при котором червонец и рубль поддерживали друг друга.

(Окончание в следующем номере)

БИБЛИОТЕКА
ИОН

ISSN 0131-1212

Качество жизни

4'91

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Юрий Г о л а н д

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

УРОКИ СОВЕТСКОГО ЧЕРВОНЦА

УСПЕШНОЕ функционирование системы двух валют в советской экономике — червонца и совзнака — продолжалось недолго. Со второй половины марта 1923 года резко возросла эмиссия совзнаков. Темп эмиссии в марте составил 38,5 процента, то есть в номинальном выражении мартовская эмиссия более чем вдвое превысила февральскую, а в апреле эмиссия в номинальном выражении увеличилась еще на 28 процентов. Чем объяснялся этот рост? Ответ на этот вопрос дает анализ соотношения бюджетных доходов и расходов.

Прежде всего бюджет на 1922/23 год так и не был утвержден в законодательном порядке. Первый его вариант был разработан Наркомфином в январе 1923 года в размере 1,33 миллиарда золотых рублей, тогда как ведомства запрашивали 2,2 миллиарда. При рассмотрении бюджета в Госплане, а затем в СНК он был увеличен до 1,62 миллиарда рублей, но так и не был утвержден. Исполнение госбюджета проходило по системе ежемесячных бюджетных планов. В январе под давлением ведомств бюджетные расходы были увеличены по сравнению с декабрем 1922 года на 38 процентов, в то время как доходы вместе с эмиссией возросли меньше запланированного — на 25 процентов. В феврале удалось несколько снизить расходы и увеличить неэмиссионные доходы, что позволило значительно сократить эмиссию. Но в марте расходы снова возросли на 16 процентов по сравнению с февралем, и хотя почти на столько же увеличились неэмиссионные доходы, для покрытия дефицита и марта, и предыдущих месяцев пришлось значительно увеличить эмиссию. Ее удельный вес в доходах бюджета возрос с 23,5 процента в феврале до 33,2 — в марте. В апреле эта же тенденция продолжалась. Рост бюджетных расходов произошел, несмотря на то что в первом квартале 1923 года расходы на оборону сократились на 21,8 процента по сравнению с предыдущим кварталом и их удельный вес в бюджете составил наименьшее значение за весь период денежной реформы — 13,23 процента.

Почему же не удавалось сдержать рост бюджетных расходов в рамках имевшихся возможностей? Прежде всего из-за объективного процесса повышения запросов населения. Необходимо было также поддерживать убыточные отрасли промышленности, в первую очередь тяжелую, хотя в ряде случаев степень этой поддержки превосходила целесообразные пределы. Но была еще одна важная причина, о которой откровенно поведал Сокольников, выступая на сессии ВЦИК в июле 1923 года: «Наш порядок бюджетных расходов в общем и целом таков: появляется какой-нибудь чрезвычайно интересный и заманчивый проект. Представители этого заманчивого проекта с величайшим красноречием защищают его в комиссиях, потом в соответствующих учреждениях, с не меньшим красноречием рекламируют этот самый проект в прессе. Когда достаточно подготовлено соответствующее постановление *ухова*, тогда протаскивается в более или менее молниеносном порядке решение, которое должно в кратчайший срок дать миллионные выгоды, но пока что предпринимает крупнейшие расходы... Проходит месяц, новый замечательный проект начинает блеснуть на горизонте и

находит вновь чрезвычайно восторженный прием, вновь принимаются соответствующие решения и т. д. и т. д. ...Но так как количество наших даже бумажных денег более ограничено, чем количество тех чрезвычайно выгодных проектов, которые у нас возникают, то получается следующее: количество проектов растет, на каждый проект из месяца в месяц приходится гораздо меньше денег».

Мы видим, что вопрос об удержании бюджетных расходов в пределах возможного, по существу, является политическим. Высшее руководство страны должно было проявить необходимую твердость и компетентность при рассмотрении заявок, но этими качествами многие руководители не обладали, полагая, что ничего особенно страшного в покрытии расходов за счет дополнительной эмиссии нет.

Эмиссия особенно возросла в конце марта — начале апреля. На денежном рынке появилось большое число совзнаков. Их владельцы, предприятия и частные лица, стремясь застраховать свои средства от обесценивания, вкладывали их в приобретение устойчивой валюты, в первую очередь червонцев. В результате резко возрос курс червонца, выраженный в рублях, что, в свою очередь, стимулировало спрос на него. За апрель справочные цены банкнота фондового отдела Московской товарной биржи увеличились с 302 до 457 рублей, то есть на 51 процент, в то время как цены на товары в Москве выросли на 39 процентов. Особенно резким был скачок цены червонца с 12 по 13 апреля, когда она увеличилась с 360 до 390 рублей (в ден. знаках 1923 года).

Как раз 14 апреля в Москве открылся съезд управляющих филиалами Госбанка. Приехавшие из разных городов банковские работники остро ставили вопрос о том, что резкий скачок курса червонца делает невозможным пользование кредитом. Говорили, что нэпманы-ловкачи сумеют выкрутиться, несмотря на изменение курса, а 90—95 процентов государственных и кооперативных предприятий не сумеют вернуть кредит. Возражая им, Шейнман утверждал, что руководители этих предприятий должны лучше вести свою хозяйственную деятельность и быстрее реагировать на изменение конъюнктуры. На требования понизить курс червонца он разъяснял, что курс не устанавливается, а складывается на бирже, и административные меры пользы не принесут. Председатель Правления Госбанка не видел ничего особенно страшного в росте цены червонца. Для выхода из создавшегося положения он предложил систему мер. Во-первых, значительно увеличить количество банкнотов, направляемых в провинцию (до того момента они преимущественно концентрировались в Москве), где хуже, чем в столице, было соотношение между червонцами и совзнаками и соответственно резче скачок курса. Во-вторых, он указал на необходимость расширить кредитование частной промышленности и торговли, сообщив, что он предварительно договорился об этом с руководством страны. В-третьих, он предложил начать подготовку к широкому внедрению банкнотов в деревне, выпустив купюру в полчервонца.

Позицию председателя поддержали члены Правления Госбанка Н. Кутлер и З. Каценеленбаум, автор многих работ в области кредита и денежного обращения. Они предостерегали против любых мер, подрывающих доверие к червонцу, которые могли затруднить переход к одной валюте. Каценеленбаум рассматривал возрастание цены червонца как первое серьезное предупреждение о грядущем падении совзнака. Ссылаясь на выдвигавшееся на некоторых предприятиях требование выдавать зарплату в червонцах, он предложил начать подготовку к ликвидации системы двух валют, то есть к денежной реформе в узком смысле этого слова — прекращении эмиссии совзнаков и обмене их на червонцы. По его словам, перед началом выпуска банкнотов руководи-

тели Госбанка считали, что система параллельных валют будет существовать примерно полгода. А уже прошло более четырех месяцев, и червонец начал успешно внедряться — к тому времени в общей ценности денежной массы банкноты составляли примерно $\frac{1}{5}$. Первым шагом на пути к денежной реформе являлся, по его мнению, выпуск полчервонца, позволявший крестьянам освоить новую валюту.

Единственное препятствие на пути незамедлительной денежной реформы руководители Госбанка видели в бюджетном дефиците. Но и тут они считали, что пора Наркомфину принять решительные меры для его устранения, тем более в связи с падением совзнака, которое обесценивало денежные налоги и уменьшало эффективность использования эмиссии как бюджетного дохода. С другой стороны, введение мелких купюр на замену совзнаков расширило бы возможности кредитования торговли и промышленности. Это сократило бы бюджетные субсидии им и уменьшило бы дефицит бюджета.

К СЕРЕДИНЕ апреля возник критический момент в развитии всего процесса оздоровления денежного обращения с начала нэпа. Надо было решать, по какому из двух путей двигаться дальше: или начать незамедлительную подготовку к прекращению эмиссии и обмену совзнаков на червонцы, или, наоборот, облегчить пользование кредитом, снизить курс червонца относительно товарного индекса, изменить соотношение между темпами роста цен на товары и на червонцы. Руководители Наркомфина и некоторые из высококвалифицированных специалистов — сотрудники наркомата считали первый путь преждевременным, а устранение бюджетного дефицита в короткое время невозможным. Думаю, что специалисты Госбанка и Наркомфина смогли бы найти общий язык и выработать приемлемый компромисс, если бы эта проблема решалась чисто экономическими аргументами. Однако окончательное решение принимали руководители страны, а они исходили прежде всего из политических соображений.

С 17 по 25 апреля 1923 года проходил XII съезд РКП (б), на котором с докладом о промышленности выступил Троцкий. В нем он с беспокойством отмечал быстрое восстановление ремесленно-кустарной промышленности и подчеркивал необходимость опережающего развития государственной промышленности. В резолюции съезда по его докладу указывалось, что через государственную промышленность пролегал путь к социализму. Из такого подхода вытекало, что интересы государственной промышленности должны быть определяющими при решении тех или иных экономических проблем, в частности и вопросов денежного обращения.

Спустя два дня после окончания съезда на заседании Финкомитета СНК (его членами были заместители председателя СНК) был сделан выбор между двумя альтернативами развития денежного обращения. Было отклонено как преждевременное предложение Шейнмана о выпуске купюры в полчервонца. Считалось, что такая мелкая купюра станет конкурентом совзнаку, в результате чего тот обесценится и снизится эмиссионный доход. Вместо этого руководство решило, как позднее сообщал Сокольников, снизить курс червонца по отношению к товарному индексу на 20 процентов и увеличить финансирование и кредитование госпромышленности.

Для конкретизации этого принципиального решения было 4 мая созвано совещание руководителей промышленности, торговли, финансов. Промышленники требовали продлить срок уже предоставленных кредитов на 2—3 месяца до появления нового урожая и увеличить общий объем финансирования и кредитования с тем, чтобы к урожаю

расширить промышленное производство. Главная идея состояла в том, что урожай должен значительно увеличить платежеспособный спрос крестьянства и к этому периоду надо подготовить предложение промышленных товаров, которые тогда можно будет реализовать по повышенным ценам. Конечно, промышленность нуждалась в средствах для того, чтобы компенсировать те потери, которые она понесла в годы войны и разрухи, когда не производились ремонты и не делались отчисления на амортизацию. Но добывать эти средства путем чрезмерного завышения цен означало подрывать рост народного хозяйства в целом. Уже весной 1923 года начались трудности с реализацией некоторых товаров. В сборнике «Вопросы промышленности и торговли», подготовленном Президиумом ВСНХ к XII съезду партии, сложившаяся ситуация была описана так: «Острота положения заключается в том, что объективно обусловленные, неизбежно высокие промышленные цены вдвойне опасны: они и не восстановительные и угрожают оказаться неприемлемыми для рынка».

Проблема эта была тесно связана с разрывом между уровнями цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, который с осени 1922 года углублялся. Если на 1 августа 1922 года по индексу оптовых цен Госплана индекс сельскохозяйственных товаров был на 16 процентов выше общего индекса, а индекс промышленных товаров на 15 процентов ниже, то на 1 апреля 1923 года промышленные цены стали на 43 процента выше общего индекса, а сельскохозяйственные на 28 процентов ниже. На опасность этого разрыва цен указывал Троцкий в своем докладе на XII съезде партии, когда он придумал термин «ножницы цен», показывая график движения цен, который ему за час до доклада дал председатель Комвнторга А. Лежава. Но, как это ни странно, сразу после съезда были приняты решения, способствующие углублению этого разрыва.

На совещании 4 мая Шейнман обращал внимание на эту опасность. Ссылаясь на общеизвестный факт о том, что подтоварный кредит промышленности способствует росту цен, давая возможность держать товар на складе, он предложил предоставлять такой кредит торговле для приближения товаров к потребителям. Но это предложение встретило резкие возражения представителей промышленности. Промышленники не хотели оказаться в зависимости от торговли, тем более что розничная торговля была в основном в руках нэпманов.

Рассмотрим, как практически реализовывалось решение о снижении курса червонца относительно товарного индекса и об усиленном выделении средств промышленности. В мае — июне резко сократилась эмиссия совзнаков. Темп эмиссии в мае составил 16 процентов — минимальное значение за почти два года после лета 1921 года, в июне он возрос до 28,1 процента, но все-таки был значительно меньше, чем в марте — апреле. Кроме того, в мае — июне Госбанк предоставил Наркомфину под залог золота 400 тысяч червонцев, которые тот мог выбросить на денежный рынок для снижения курса червонца. Всего этого было бы вполне достаточно для недопущения таких скачков курса червонца, который произошел в апреле и был связан с чрезмерной эмиссией. Но одновременно в мае — июне задолженность клиентуры Госбанка по учетно-ссудным операциям возросла почти на 8 миллионов червонцев (с 9,5 до 17,4 миллиона), большая часть которых была предоставлена промышленности.

К чему это привело? Прежде всего изменилось соотношение темпов роста цен на червонцы и на товары. За май цена червонца в рублях увеличилась на 27, а оптовые цены на 45 процентов, за июнь — соответственно на 31 и 54 процента. С середины мая до середины июля

покупательная сила червонца снизилась на 25 процентов. Высокий темп роста цен, несмотря на значительное сокращение эмиссии совзнаков, объяснялся несколькими причинами. Во-первых, увеличением банкнотов в обращении. За два месяца из эмиссионного отдела в кассу было передано 3,6 миллиона червонцев, так что общее количество червонцев возросло на 60 процентов. Одновременно значительно увеличилась доля банкнотов, которые реально поступали в обращение из общей их суммы. Поэтому прирост червонцев в обращении за два месяца составил 90 процентов. В результате на 1 июля в составе всей денежной массы банкноты составили 37,1 процента. Во-вторых, важной причиной роста цен явилась «экранировка» промышленности и крупной оптовой торговли от розничного рынка благодаря расширению кредитования. На срок предоставленного кредита они в принципе могли выждать появления покупателей, готовых купить товар по высокой цене. Правда, этот фактор в полной мере проявился позднее, в августе — сентябре. В июне же произошел значительный рост оптовых оборотов в определенной мере благодаря активизации частной торговли. Доля частных лиц в поставках товаров госпромышленности в июне по сравнению с маем возросла с 11,8 до 23,4 процента, а в покупках ее продукции — с 12,4 до 17,3 процента. Большую роль в этом росте сыграло расширение кредитования частных предприятий. 30 мая был издан циркуляр Правления Госбанка, в котором подчеркивалось, что «исключение частных лиц из круга кредитруемых... должно быть решительно отвергнуто».

В ЦЕЛОМ РАЗВИТИЕ народного хозяйства в первом полугодии 1923 года было благоприятным, и это породило оптимистический настрой у руководителей экономики. Под его влиянием в начале июля на сессии ВЦИК было принято предложение Наркомфина о законодательном ограничении эмиссии совзнаков. Было решено, что ее месячный размер в среднем за период с 1 мая по 1 августа не должен превышать 30 миллионов рублей золотом по курсу на 1-е число соответствующего месяца, а с 1 августа — 15 миллионов. Это решение казалось вполне реальным, ведь в июне эмиссия составляла 22,3 миллиона рублей, а в мае еще меньше — 16,3 миллиона. В объяснительной записке к проекту постановления об ограничении эмиссии, представленной Наркомфином, даже предполагалось к 1 января 1924 года отказаться от использования эмиссии для покрытия бюджетного дефицита.

Для его уменьшения намечалось дальнейшее сокращение расходов на оборону, в частности на военную промышленность. Но это было делом весьма непростым. Когда в июле специальная комиссия во главе с зам. председателя ВСНХ Г. Пятаковым выдвинула это предложение, то против него выступили профсоюзы, ибо оно влекло за собой увольнение 18 тысяч рабочих Тулы, Ижевска и других городов, а в стране и так было почти полмиллиона безработных.

Однако вскоре после окончания сессии ВЦИК ситуация в денежном обращении стала быстро ухудшаться. Усилилось снятие червонцев с текущих счетов в Госбанке, начавшееся еще в июне. Объяснялось это явление частично тем, что ввиду отставания курса червонца от товарного индекса клиентам было выгоднее вкладывать средства в товары, пускать их в оборот, чем держать их на текущих счетах. Кроме того, Правление Госбанка начало сокращать подтоварный кредит, чтобы побудить предприятия не задерживать товары на складах, и они были вынуждены снимать средства со своих счетов. Так, за период с 15 июня по 23 июля остатки текущих счетов по Правлению Госбанка сократились на 703 тысячи червонцев, то есть на 34 процента. Падение покупательной силы червонца привело к росту требований обменять их на совзнаки. Для того чтобы приобрести необходимый для такого обмена за-

пас совзнаков, Госбанк в июне — июле продал Наркомфину 1,7 миллиона червонцев. Наркомфин, в свою очередь, большую часть этих средств не стал держать на своем текущем счете в Госбанке, а направил на бюджетные цели. Фактически Госбанк стал принимать участие в финансировании бюджетных расходов, что официально запрещалось.

Одновременно продолжала возрастать доля банкнотов, поступивших в реальное обращение из общего числа переданных в кассу. В результате для того чтобы удовлетворить неотложные потребности, пришлось значительно увеличить размер первоначально утвержденной эмиссии банкнотов — с 1,4 миллиона червонцев до 3,9 миллиона. Количество банкнотов в обращении увеличилось за июль на 60 процентов и на 1 августа составляло уже половину в общей денежной массе по ценности. Казалось бы, что такую динамику можно только приветствовать, но тут надо вспомнить, что минимальной купюрой был один червонец, сумма сама по себе по тем временам немалая, которую гражданам для потребительских нужд надо было разменивать. Еще хуже было то, что таких мелких купюр выпускалось сравнительно мало. На 1 августа купюры в один червонец составляли всего 21,3 и в три червонца — 23,4 процента от общей ценности банкнотов в обращении. Госбанк неоднократно просил Гознак увеличить долю мелких купюр, но получал ответ, что это невозможно по техническим причинам. Думаю, дело было не только, а может, и не столько в технике, сколько в желании влиятельных лиц сохранить совзнак как источник эмиссионного дохода, а выпуск мелких купюр червонцев ускорял его вытеснение. Роль мелких денег играли совзнаки, но их не хватало. В июле ускорился процесс обесценивания совзнака. Общий индекс оптовых цен возрос по сравнению с июнем на 60 процентов.

Падение доверия к червонцу вынудило в августе отказаться от линии на снижение его покупательной силы. Темпы роста курса червонца сравнялись с темпом роста товарного индекса, но снятие червонцев с текущих счетов продолжалось, в частности, из-за того, что Госбанк продолжал сокращать кредитование некоторых отраслей, чтобы побудить предприятия выпустить товары со складов. Так же как и в июле, в августе пришлось неоднократно принимать решения о дополнительной эмиссии банкнотов. Вместо первоначально намеченных 2,5 миллиона червонцев эмиссия достигла 4,9 миллиона. К 1 сентября банкноты уже составляли $\frac{2}{3}$ ценности всей денежной массы, причем доля мелких купюр не увеличилась. Разменный кризис стал еще острее, так как эмиссия совзнаков сдерживалась в соответствии с июльским постановлением. Хочу подчеркнуть, что такое стремительное изменение структуры денежной массы происходило не согласно заранее намеченному плану, а под давлением обстоятельств, то есть ситуация начала выходить из-под контроля.

Одновременно в августе начал обостряться кризис сбыта. Сокращение оборота в сочетании с ростом эмиссии привело к ускорению роста цен. Оптовые цены в совзнаках увеличились по сравнению с июлем на 77 процентов, в том числе промышленные на 95, причем последние возросли даже в червонном исчислении на 10 процентов. Тресты легкой промышленности и оптовая торговля, в частности Центросоюз, «экранированные» от розничного рынка кредитованием, пропустили тот момент, когда зажиточные слои городского населения удовлетворили свой спрос и надо было расширять реализацию за счет малообеспеченных групп, в первую очередь крестьян. А платежеспособный спрос крестьянства в первые месяцы реализации урожая был невысок из-за падения хлебных цен в результате форсированного предложения хлеба. Часть его сдавалась в порядке продналога, а часть прода-

валась, и продналог уплачивался деньгами, как это было разрешено. В некоторых районах пришлось даже прекратить прием продналога из-за переполнения складов. Снижало покупательную способность крестьян и постоянное падение совзнаков, которые они получали за свою продукцию. Ножницы цен еще сильнее раздвинулись. Нарастающий кризис сбыта в сочетании с сокращением кредитования в ряде отраслей привел к тому, что задерживалась выплата зарплаты и хозяйственные органы начали часть зарплаты выплачивать облигациями займа. Это вызвало массовые забастовки рабочих в ряде городов. Надо было срочно принимать какие-то меры.

Прежде всего было дано в начале сентября указание о неограниченном размене червонцев на рубли. Это означало фактическую отмену июльского ограничения эмиссии совзнаков. В сентябре темп их эмиссии возрос до 76,5 процента с 35,3 в августе, а ценность эмиссии составила 27,6 миллиона золотых рублей. В первые дни сентября также было принято правительственное решение о принудительном размещении облигаций выигрышного займа. Среди рабочих и служащих оно шло путем коллективной подписки на предприятиях, при которой они должны были подписаться на сумму от 3 до 20 процентов зарплаты в зависимости от величины заработка. Имущие слои населения должны были приобрести определенное в постановлении СНК количество облигаций, увеличивающееся в зависимости от достатка, одновременно с уплатой подоходно-поимущественного налога и выборкой патентов. Кроме того, государственные и кооперативные предприятия также были обязаны приобретать определенное количество облигаций, а Госбанк выдавал ими часть ссуд.

Надо сказать, что и до принятия этих постановлений выигрышный заем размещался с использованием в той или иной степени принуждения. Но это происходило по инициативе местных органов. Они были заинтересованы реализовать как можно больше облигаций, потому что определенный процент от полученной суммы поступал в их распоряжение в качестве долгосрочной ссуды и мог расходоваться на строительство жилья и коммунальные нужды. В Москве, например, вся сумма шла на местные нужды, и московские власти стали с помощью милиции распространять облигации среди имущих слоев. В мае Наркомфин обратился в Совнарком с просьбой запретить подобную практику, подчеркнув, что принудительное размещение займа срывает всю долгосрочную политику по формированию рынка ценных бумаг. В сентябре же все эти стратегические соображения были отброшены под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Здесь проявилась общая закономерность, действовавшая в период нэпа,— административные меры вводились как следствие нарушения рыночного равновесия, а это нарушение в большинстве случаев было вызвано просчетами руководящих органов.

Но заем даже при принудительном его размещении не мог дать столько средств, сколько требовалось для удовлетворения неотложных потребностей в условиях кризиса сбыта. В сентябре он достиг максимума, как и ножницы цен. Если в августе бастовали рабочие, то в сентябре наблюдалась своеобразная забастовка крестьян. Они стали стремиться приобретать не промышленные товары по завышенным ценам, а червонцы, и если получали за сельскохозяйственные продукты совзнаки, то на них покупали банкноты. В это время стала особенно ясной ошибочность политики высоких цен промышленности, которая не учла психологических факторов. Крестьяне привыкли к определенному соотношению между промышленными и сельскохозяйственными ценами еще с довоенных времен и готовы были примириться с изменениями этих соотношений только до известного предела.

Положение еще больше осложнилось, когда у руководства партии появилась надежда на революцию в Германии. Полагая, что ей придется оказать вооруженную поддержку, оно приняло решение значительно — более чем вдвое — увеличить военные расходы. Сообщая об этом на заседании фракции РКП(б) пленума ВЦСПС 28 сентября, Сокольников подчеркивал: «Мы в значительной степени могли сводить концы с концами в 1922 — 1923 году за счет чрезвычайно большого снижения военного бюджета. Мы делали экономию на армии и давали транспорту и промышленности». В этих условиях в сентябре была увеличена эмиссия и банкнотов, и совзнаков. В сочетании с кризисом сбыта это привело к дальнейшему росту цен — вдвое по сравнению с августом.

В создавшейся ситуации нельзя было быстро экономическими мерами снизить цены, и было решено понизить их директивными методами. Предприятия получили указание снизить отпускные цены в червонном исчислении, что и было сделано. Регулирование цен в определенной мере существовало и до этого решения, но оно не помешало росту цен. Еще в октябре 1922 года СТО предоставил Комвнторгу право устанавливать список товаров, отпускные цены на которые не могли повышаться без его согласия (розничные цены до 1924 года административно не регулировались). Этот контроль предполагалось осуществлять путем проверки калькуляций, предоставляемых предприятиями. Примерно через месяц Госплан и ВСНХ выступили с предложением отменить это постановление. Свое предложение они мотивировали тем, что проверка калькуляций неизбежно носит формальный характер, а регулировать цены нужно экономическими методами, маневрируя товарными массами и кредитом. Однако это предложение было отклонено. Комиссия цен Комвнторга рассматривала калькуляции трестов и соглашалась с ростом цен, если он объяснялся повышением цен на сырье или другими причинами, которые казались объективными. При этом она не ставила целью учитывать состояние рынка.

К НАЧАЛУ ОКТЯБРЯ остро встал вопрос о судьбе банкнотного обращения. На 1 октября червонцы составляли уже почти $\frac{3}{4}$ всей денежной массы. Возникла опасность, что при дальнейшей их эмиссии они могут разделить судьбу совзнака. Тогда было принято решение резко сократить выпуск банкнотов, несмотря на то, что сезонные потребности в кредите, в частности связанные с хлебозаготовками, были большими. Было решено вместо червонцев значительно усилить эмиссию совзнаков, направив их на кредитные нужды. К официальному пределу эмиссии на бюджетные цели в 15 миллионов золотых рублей было добавлено разрешение на эмиссию на кредитные нужды до 50 миллионов. Это означало фактическое признание несостоятельности той политики защиты совзнаков от обесценивания, которая не дала в конце апреля принять решение о подготовке к их обмену на червонцы. К 1 октября совзнаки уже обесценились по сравнению с 1 мая (по оптовому индексу Госплана) примерно в 12 раз, а цена червонца за этот период увеличился в 9 раз — с 457 до 4100 рублей. Как тут не вспомнить возражения против выпуска купюры в полчервонца из-за того, что они могут привести к обесцениванию совзнака.

С октября этот процесс еще ускорился. Темп эмиссии совзнаков составил в октябре рекордную цифру за все годы их существования — 131,7 процента, а ее ценность — 47,9 миллиона золотых рублей. За тот же месяц эмиссия банкнотов уменьшилась по сравнению с сентябрем в 2,5 раза, и если с мая до октября червонец вытеснял совзнак из обращения, то с октября начал воплощаться в жизнь последний из возможных

вариантов развития системы двух параллельных валют. Совзнак стал вытеснять червонец из обращения, тот начал уходить в накопление. Госбанку пришлось согласиться на возврат совзнаками ссуд, выданных червонцами, а затем и выдавать ссуды в рублях. При этом одновременно зарплату стали выдавать червонцами. В червонном исчислении начали составлять бюджет и устанавливать цены. Хотя падающий совзнак в составе денежной массы занимал всего $\frac{1}{4}$ но он выполнял необходимую функцию мелких денег и мог расстраивать все денежное обращение. Рубль ежедневно падал в цене по отношению к червонцу на 3—5 процентов, и всякий, к кому в кассе попадали совзнаки, старался скорее их обменять на червонцы, чтобы уменьшить курсовые потери, избежать которых полностью было нельзя. «Бегство от совзнака» ускорило его падение. Розничные цены, исчисленные в совзнаках, за 3 последних месяца 1923 года возросли в 8 раз, в то время как в червонном исчислении они снижались.

Необходимость покончить с системой двух валют стала очевидной и тем руководителям, которые держались за совзнак как средство получения эмиссионного дохода, ибо его разрушительное действие на народное хозяйство было больше этого дохода. Интересно, что в это время отнюдь не был ликвидирован бюджетный дефицит, который рассматривался как главная причина сохранения совзнака в апреле, когда было выдвинуто предложение начать подготовку к отмене системы двух валют. В последнем квартале 1923 года доходы от кредитных операций и эмиссии, которыми покрывается бюджетный дефицит, составляли 84,6 миллиона золотых рублей — 30 процентов от всех доходов (без единого сельскохозяйственного налога), а в первом квартале того же года — 99,3 миллиона — 35 процентов, то есть сокращение было незначительным. Но зато резко изменилось соотношение между доходами от кредитных операций и эмиссии. В последнем квартале доход от эмиссии составлял 26,5 миллиона золотых рублей — 9,6 процента всех доходов, а в первом квартале — 86,6 миллиона — 30,6 процента. Соответственно резко возросли поступления от займов, которые в растущей экономике являются вполне допустимым методом покрытия разницы между бюджетными расходами и поступлениями налогов и доходов от государственного имущества. Вместе с тем в последнем квартале 1923 года было труднее бороться с дефицитом бюджета из-за увеличения расходов на оборону. Таким образом, можно сделать вывод, что и весной 1923 года, форсируя кредитные операции, можно было начать подготовку к обмену совзнаков, выпустив мелкую купюру в полчервонца.

Зимой 1924 года был избран другой путь для проведения обмена совзнаков. 5 февраля был принят декрет ЦИК и СНК о выпуске государственных казначейских билетов достоинством в 1, 3 и 5 рублей золотом. Они не были обеспечены, как банкноты, но был установлен предел общей сумме их выпуска. Он не должен был превышать на 1-е число каждого месяца половины выпущенных к тому времени червонцев. Для мелких потребностей были в соответствии с декретом от 22 февраля выпущены монеты серебряные (в 10, 15, 20 и 50 копеек и 1 рубль) и медные (1, 2, 3 и 5 копеек). 14 февраля было решено прекратить эмиссию совзнаков (эмиссия казначейских билетов на бюджетные цели сохранялась до 1 июля 1924 года), а 7 марта было принято постановление СНК СССР о выкупе совзнаков с 10 марта по постоянному курсу: 1 рубль золотом, стоивший 1 декабря 1922 года 11,7 бумажного рубля, теперь приравнялся 50 тысячам. Совзнаки принимались к обмену в кассы Наркомфина и Госбанка по 31 мая 1924 года, после чего они прекратили свое хождение, и страна получила одну устойчивую валюту. Разумеется, валюту нельзя стабилизировать раз и навсег-

да, поэтому необходимость проведения осторожной политики сохранилась и после окончания денежной реформы.

Тем не менее реформа была успешно завершена, и надо разобраться в том, почему это удалось сделать, несмотря на все трудности второго полугодия 1923 года. Тут действовало несколько факторов. Прежде всего само существование части денежного обращения в твердой валюте действовало благоприятно на развитие экономики. И надо сказать, что, несмотря на все ошибки экономической политики, мысль о необходимости сохранения устойчивой валюты не отвергалась. Крайне важным было то обстоятельство, что на протяжении всего периода существования двух валют сохранялись рыночные отношения. Сама структура народного хозяйства в то время позволяла быстро реагировать на импульсы, идущие от рынка. Основу ее составляло сельское, то есть крестьянское, хозяйство, в промышленности около 80 процентов производства составляли товары для населения, в торговле был велик удельный вес частника. Еще одним благоприятным фактором явился значительный положительный платежный баланс, основу которого составило положительное сальдо внешней торговли в 1923 году. Да и в целом сельское хозяйство и промышленность, работающая на рынок, успешно восстанавливались в 1922—1923 годах.

Вместе с тем есть все основания утверждать, что ликвидация системы двух валют запоздала. Вероятно, денежную реформу можно было завершить еще летом 1923 года, тогда она прошла бы менее болезненно. Можно сделать вывод, что когда параллельная устойчивая валюта начинает внедряться в ту часть товарооборота, где сохраняется падающая, то надо готовить обмен последней, ликвидацию системы двух валют. А это означает, что внедрение устойчивой валюты должно сопровождаться оздоровлением экономики, дающим возможность сократить эмиссию падающей до терпимого предела. Собственно говоря, параллельная валюта и вводится для того, чтобы облегчить такое оздоровление.

ЕСТЕСТВЕННО, возникает вопрос, как мы можем сейчас использовать опыт перехода к червонцу. Разумеется, бессмысленно копировать то, что было сделано почти 70 лет назад. Однако видно, что не требуется много времени для оздоровления денежного обращения. После семи лет войн и разрухи уже за два года нэпа к маю 1923 года создались предпосылки для подготовки к обмену падающей валюты на устойчивую, а ведь этот процесс был еще задержан страшным неврожаем 1921 года. Понятно, что создание устойчивой валюты не решает всех экономических проблем. И сейчас в полной мере сохраняется тот вывод, которым закончил в 1928 году свою превосходную книгу «Денежная политика Советской власти (1917—1927)» А. Юровский: «...Задача денежной политики в том и заключается, чтобы денежное обращение было построено так, чтобы страна не замечала связанных с ним проблем, как здоровый человек не замечает своего здоровья. Тогда основные вопросы в области производства и распределения не затушевываются несовершенствами денежной системы и могут быть проанализированы и поставлены во всей чистоте».